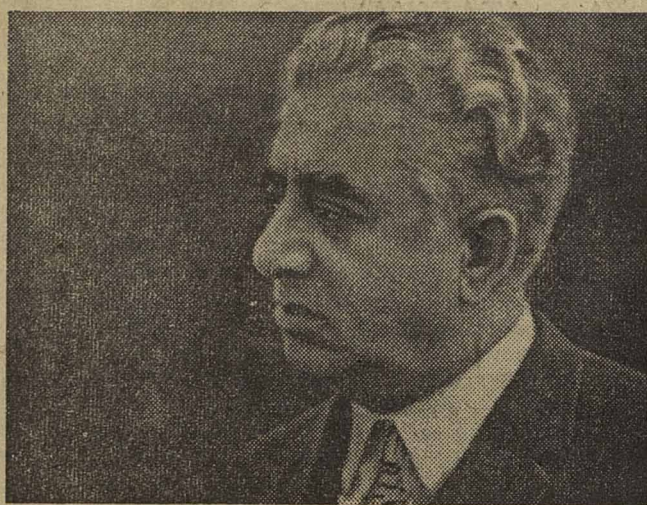

МУЗЫ АРАМА ХАЧАТУРЯНА

Сегодня, 6 июня, Араму Ильичу Хачатуряну исполняется семьдесят лет.

За несколько дней до юбилея композитор, только что справившийся с трудной болезнью, принял нас. Арам Ильич был оживлен и, как мне показалось, погружен во многие неотложные заботы...

Естественно, разговор наш был связан с юбилеем.

— Наверное, он кажется вам неожиданным? — спрашиваю композитора.

— Нет, почему же, в определенном смысле я готовился к нему... Даже сам себе собирался сделать подарок, но, увы, болезнь помешала.

— Какой именно подарок?

— Музыкальный, разумеется. Я хотел написать новое сочинение...

— И, наверное, его замысел уже сложился?..

— В какой-то степени—да, сложился... Я написал концерты-рапсодии для скрипки с оркестром, для фортепиано с оркестром и для виолончели с оркестром. Теперь хочу написать концерт-рапсодию для трех (одновременно) инструментов с оркестром. По величине это сочинение представляется мне средним, а по содержанию и форме—трудным и интересным.

...Арам Ильич не скрывал своего огорчения: болезнь на время прервала его «рабочую методику» — каждый день сидеть за роялем, и не час, и не два, а сколько надо, до полного воплощения замысла... Несомненно, огромный талант Хачатуряна, одного из крупнейших композиторов современности, не отделим от этой поразительной его работоспособности, которая, между прочим, уже давно и прочно проявила себя в разных ипостасях...

— Интересно узнать, Арам Ильич, сколько таких «ипостасей» вы сами в себе отличаете?

— По-видимому, четыре. Во-первых, естественно, сочинение музыки. Во-вторых, преподавание; не могу не сказать, что профессорство в Московской консерватории и в Институте имени Гнесиных приносит не только заботы и хлопоты, но и несомненное наслаждение. В-третьих, я — исполнитель, дирижер — мне довелось дирижировать оркестрами более чем в сорока странах. Что ни говорите, а исполнительство, дирижирование не только имеет «невидимые миру слезы», но и доставляет глубокую радость. Не удивительно, что Малер, Чайковский, Рихард Штраус, Рахманинов увлекались дирижированием... Наконец, общественная деятельность, которая является значительной и важной частью нашей жизни.

— Вы, Арам Ильич, созда-

ли прекрасную музыку, вас ценит музыкальный мир...)

— И что? Уже «достиг я высшей власти...», всего добился и тэдэ, и тэпэ... Хочу надеяться, что со мной этого не случится. Меня волнует совершенно иное... Современный композитор должен уметь писать во всех жанрах, как это делал Прокофьев, как это делает Шостакович. Существуют жанры, в которых я, увы, еще не писал, — и это меня расстраивает.

— Но как же, Арам Ильич, вы относитесь ко всему, что написали до сих пор?

— Коварный вопрос... Конечно, я люблю все свои сочинения и ни от одного не отказываюсь. Но если бы у меня были время и воля, многие из них я переписал бы заново. Одни стали бы значительнее—какие-то темы я расширил бы, другие — переоркестровал, пересочинил... Понимаете, и в искусстве любовь — это одно, а влюбленность — совсем другое... Музыка — огромный мир, и каждый должен ощущать в нем свое место.

— Вы давно и прочно живете в мире искусства... Поэтому интересно узнать: что вы думаете о современной музыке?

— Хочу сказать только об одном — о симфонизме. Это философское направление в музыке, как известно, в прошлые века родилось в Западной Европе. Потом симфонизм, как высшая форма музыки, бурно разливается на русской, советской земле. Это — Глинка, Чайковский, Бородин, Скрябин, Глазунов, Рахманинов, Мясковский, Прокофьев, наконец, Шостакович, который ныне является самым крупным симфонистом в Советском Союзе и в мире вообще. Кстати, должен сказать, что высокие образцы симфонизма созданы и в наших советских республиках.

...Беседа продолжалась... Хачатурян говорил о том, что, увы, не может себя причислить к разряду таких ярых книголюбов, каким, например, был Смирнов-Сокольский, но книга, литература имели в его творческой судьбе особое значение.

— Литература поселилась в самом центре моей жизни, и без нее мне, наверное, было бы очень худо... Лермонтову был двадцать один год, когда он написал «Маскарад». Сколько раз я читал эту великую пьесу, и меня всегда охватывают волнение и удивление: неужели такое могло быть написано юношей? Одним словом, литература для меня значит слишком много, вероятно, потому, что в моей жизни она всегда стоит рядом с музыкой...

Н. МАР